

партией иосифлянского духовенства в защиту одного из самых дорогих для этой партии прав церкви против посягательств московского правительства¹. Впрочем, такое неверное объяснение взглядов Иосифа Санина не было новым. В. Жмакин, например, писал: „В нетерпимости Иосифа можно отчасти допустить постороннее западное влияние на него как потомка выходца из Литвы“. Примерно то же писал он и об учителе Иосифа, Геннадии, архиепископе новгородском: „Внешнее и, в частности, западное влияние с большою ясностью отразилось на Геннадии“². Нет нужды доказывать, что влиянием „прадедушки“ трудно объяснить систему воззрений Иосифа Санина.

Ошибка М. А. Дьяконова заключалась в том, что, указав на отдельные стороны воззрений Иосифа Санина, в которых говорится о преимуществах власти духовной над светской, он не сумел дать общей оценки Иосифу Волоцкому и иосифлянам как представителям течения сильной воинствующей церкви, которые на известном этапе заключают временный союз с самодержавной властью, поддерживая ее до той поры, пока их теория и практика (в частности крупное монастырское землевладение) не вступают в резкое противоречие с политикой московских государей. Только такая характеристика мирозерцания Иосифа Санина может объяснить нам происхождение его воззрений на монастырское землевладение. Дьяконов же, наоборот, пытался историей обсуждения вопроса о монастырском землевладении объяснить отношение Иосифа Санина к московским государям.³ До тех пор, пока московские государи терпимо относились к еретикам и были склонны к секуляризации монастырских земель, Иосиф Санин, по мнению Дьяконова, настороженно относился к ним. После же соборов 1503 и 1504 годов, когда правительство „выполнило требования иосифлян как относительно церковных имуществ, так и казни еретиков, только тогда и возникает во всей полноте теория теократического абсолютизма“⁴.

Здесь следует сделать несколько уточнений. Иосиф Санин был не только „политиком“, но и теоретиком. Отношения его к самодержавной власти объясняются не только изменениями курса политики Ивана III, но всей системой воззрений Иосифа Санина как сторонника сильной воинствующей церкви. Решительный перелом в воззрениях Иосифа Волоцкого следует связывать не столько с событиями 1503—1504 годов, сколько с переходом Волоколамского монастыря под патронат московских государей в 1507 году. После собора 1504 года в творениях Иосифа Санина мы встречаем еще ярко выраженные мысли о преимуществе духовной власти над светской, например

¹ Там же, стр. 128. Ср. у В. Иконникова в его работе „Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории“ (Киев, 1869, стр. 368).

² В. Жмакин. Митрополит Даниил, стр. 59.

³ Иосиф, по мнению Дьяконова, „далеко не был строгим теоретиком в сфере политической. Он был гораздо больше политиком, смотревшим на государство и светскую власть лишь как на силу, содействующую или противодействующую ему в его борьбе. Соответственно с этим и в зависимости от обстоятельств менялось и его отношение к этой силе“. (М. А. Дьяконов. Власть московских государей, стр. 92).

⁴ См. там же, стр. 129; ср. стр. 94 и др. — Позднее такое объяснение изменений в идеологии Иосифа Санина было воспринято рядом историков. Так, Г. В. Плеханов, считая Иосифа Санина идеологом сильной воинствующей церкви, связывал появление в его политической теории „поправки“ о „царе-мучителе“ с появлением секуляризационных планов у московских государей. „Поправка“ была снята, когда, по его мнению, угроза секуляризации миновала. (Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. Сочинения, т. XX, стр. 135—144).